Политическая лингвистика. 2025. № 5 (113).
Political Linguistics. 2025. No 5 (113).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.623 *ГРНТИ 16.21.33; 16.21.27* *Код ВАК 5.9.6, 5.9.8*

Екатерина Павловна Мурашова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, e.p.murashova@mail.ru, SPIN-код: 1738-5268, https://orcid.org/0000-0002-2376-4148

Автокоммуникация в политике (на материале англоязычного коммеморативного дискурса)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена особенностям автокоммуникации в политическом коммеморативном дискурсе (дискурсе коллективного памятования). Под автокоммуникацией (термин Ю. М. Лотмана) понимается интроспективно направленная коммуникация, используемая для самотрансформации культуры. Цель работы — выявить стратегии автокоммуникации в политике, направленные на формирование и поддержание коллективной памяти. Материалом исследования служат 500 малоформатных англоязычных интернет-текстов политической коммеморации, опубликованных британскими, американскими и канадскими политиками с 2018 по 2025 г. Тексты извлечены из личной картотеки автора статьи. Для достижения поставленной цели применялись общенаучные методы исследования (анализ, синтез, наблюдение и др.), а также традиционные лингвистические типы анализа и методы (лингвостилистический, лингвопрагматический, дискурсивный анализ, метод лингвокультурного декодирования и др.). Анализ эмпирического материала показал, что автокоммуникативность ингерентна дискурсу политической коммеморации и отражается в его системообразующих признаках (участники, хронотоп и цели). Так, происходит «удвоение» автора путем предъявления его индивидуального и коллективного образов. Установлено, что автокоммуникация направлена на поддержание коммеморативного аутопойезиса, или самовоспроизводимости коллективной памяти. Коммеморативный аутопойезис обслуживается двумя кодами автокоммуникации — «память/непамять», обеспечивающими отнесение информации к коллективной памяти или исключение из нее, и «добавочным кодом», ритмизирующим сообщение для создания нужного эмоционального фона. Обнаружено, что доминантной чертой стратагемно-тактической организации политической коммеморации выступает разграничение «своих» и «чужих», объективирующее код «память/непамять». Выявлено, что автокоммуникация в политической коммеморации реализуется двумя противоположными стратегиями аутопойезиса — автореферентной и инореферентной, направленными на выстраивание круга «своих» и «чужих». Стратегии представлены симметричными тактиками: солидаризация/дистанцирование, (де)персонализация, (де)локализация.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, автокоммуникация, английский язык, коммеморативный дискурс, коллективная память, политическая коммуникация, интроспекция, коммуникативные стратегии, коммеморация, хронотоп, аутопойезис, свой — чужой.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Мурашова Екатерина Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; email: e.p.murashova@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Мурашова, Е. П.* Автокоммуникация в политике (на материале англоязычного коммеморативного дискурса) / Е. П. Мурашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 5 (113). — С. 102-110.

Ekaterina P. Murashova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, e.p.murashova@mail.ru, SPIN code: 1738-5268, https://orcid.org/0000-0002-2376-4148

Autocommunication in Politics (An Analysis of English-Language Commemorative Discourse)

ABSTRACT. *The article deals with the peculiarities of autocommunication in political commemorative discourse, or discourse of collective remembrance. Autocommunication is hereinafter understood in the meaning suggested by the creator of the term Yu. M. Lotman — as introspectively directed communication used for self-transformation of culture. The aim of this paper is to reveal in politics the autocommunication strategies working towards formation and maintenance of the collective memory. The practical research material comprises 500 small-format English-language internet texts of political commemoration published by British, American and Canadian politicians from 2018 to 2025. The texts have been retrieved from the personal digital files of the author of the given article. To achieve the aim of the research, the author uses general scientific methods (analysis, synthesis, observation, etc.) and traditional linguistic types of analysis and methods (linguostylistic, linguopragmatic, discourse analyses, the method of linguocultural decoding, etc.). The analysis of the empirical material has shown that autocommunicativeness is inherent to the discourse of political commemoration and is manifested in its system-forming features (such as participants, chronotope and aims). For example, it has been found that the author gets 'doubled' via their individual and collective image representation. It has been demonstrated that autocommunication is*

© Мурашова Е. П., 2025

aimed at maintaining commemorative autopoiesis, or self-replication of the collective memory. The commemorative autopoiesis is served by two autocommunication codes — that of "memory/non-memory", which refers information either inside or outside the collective memory, and the "supplementary code", which rhythmizes the message to set the needed emotional background. It has been discovered that delimitation of "own" and "alien", which objectifies the "memory/non-memory" code, is the predominant feature of the strategic-tactical organization of political commemoration. It has been revealed that autocommunication in political commemoration is realized through two opposing strategies of autopoiesis — autoreferential and other-referential ones, aimed at constructing the "own" and "alien" groups. The strategies are represented by symmetrical tactics: solidarization/distancing, (de)personalization, (de)location.

KEYWORDS: *political discourse, Internet space, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, autocommunication, English language, commemorative discourse, collective memory, political communication, introspection, communication strategies, commemoration, chronotope, autopoiesis, "own" and "alien".*

AUTHOR'S INFORMATION: *Murashova Ekaterina Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Murashova E. P.* (2025). Autocommunication in Politics (An Analysis of English-Language Commemorative Discourse). In *Political Linguistics*. No 5 (113), pp. 102-110. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Одним из центральных понятий политической лингвистики выступает «политическая коммуникация», под которой в широком смысле понимается особый вид коммуникации, способный не только отражать политическую реальность, но и формировать ее путем воздействия на политическую картину мира человека [Чудинов 2013: 10].

В традиционной трактовке политическая коммуникация направлена аутроспективно, от себя к другому, что является прямой реализацией главной, биосоциально обусловленной функции языка — коммуникативной. Однако в условиях повышения конкуренции в политической среде и усложнения политической системы возникает необходимость в расширении коммуникативной ситуации путем добавления новых компонентов и надстройки новых измерений. Так, в политической имиджелогии все большее значение приобретает культурное измерение, а именно фактор культурогенности личного дискурса политика. Востребованность культурного измерения обусловливает актуальность обращения к вопросам интроспективности политической коммуникации, поскольку именно через обращение к себе и саморефлексию можно добиться качественного преобразования собственной личности. Метонимическая интерпретация интроспекции позволяет транспонировать ее преобразующее действие на культуру в целом, в связи с чем здесь и далее мы считаем целесообразным оперировать более широким термином «автокоммуникация» (введен Ю. М. Лотманом) для обозначения интроспективно направленной коммуникации, призванной трансформировать (обогатить и сохранить) культуру через ее обращение к самой себе.

До настоящего времени в фокусе внимания лингвистов оказывались дискурсивные и жанровые особенности автокоммуникации как экстериоризации внутренней речи индивида в присутствии сторонних наблюдателей, в связи с чем материалом исследования чаще всего становился персональный дискурс: поэтический[1], АСМР- [Евграфова 2024] и автобиографический дискурс, представленный, например, жанром «письмо в будущее» [Чеснокова, Кобенко 2015]. Автокоммуникация как порождение институционального дискурса еще не подвергалась обстоятельному лингвистическому анализу и чаще освещается в культурологических семиотических работах [Ventsel 2012].

В качестве объекта таргетированного воздействия автокоммуникации мы выбрали коллективную память, под которой в русле социологической концепции М. Хальбвакса понимаем разделяемое социальной группой представление о собственном прошлом, составляющее основу ее коллективной идентичности [Halbwachs 1980]. Выбор коллективной памяти как центрального концепта нашего исследования обусловлен тем, что она ингерентно автобиографична в силу того, что включает в себя индивидуальную память [Halbwachs 1980: 51] и является одним из главных факторов «самоузнавания» культуры [Halbwachs 1980: 85].

Цель настоящей статьи — выявить стратегии автокоммуникации в политике, направленные на формирование и поддержание коллективной памяти социальной группы. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) дать определение автокоммуникации, проведя разграничение между автокоммуникацией и смежным термином «метакоммуникация»; 2) выявить ключевые особенности политического ком-

[1] Соколова О. В. Дискурсы активного воздействия: теория и типология: 10.02.19: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Соколова Ольга Викторовна; Институт языкознания РАН. М., 2015. 54 с.

меморативного дискурса как автокоммуникативного дискурса; 3) описать стратагемно-тактическую организацию автокоммуникации в рассматриваемом материале.

Для достижения цели и задач статьи были использованы как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, наблюдение, сравнение и др.), так и традиционные для лингвистики методы и типы анализа (метод лингвокультурного декодирования, лингвостилистический, лингвопрагматический, дискурсивный анализ и др.).

В качестве материала исследования послужил политический коммеморативный дискурс (дискурс коллективного памятования), представленный 500 малоформатными (до 280 символов) англоязычными интернет-текстами, опубликованными в официальных источниках британскими, американскими и канадскими политиками с 2018 по 2025 г. Тексты отобраны методом сплошной выборки из личной картотеки автора настоящей статьи. Выбор коммеморативного дискурса в качестве материала исследования обусловлен тем, что, во-первых, социальная практика коммеморации активно используется в политике для воздействия на коллективную память целевой группы; во-вторых, коммеморативный дискурс сущностно автокоммуникативен и является прототипическим дискурсом саморефлексии через память, поскольку активно манифестирует себя как таковой, не стремясь к размыванию своей цели и границ.

1. АВТОКОММУНИКАЦИЯ И МЕТАКОММУНИКАЦИЯ: К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Ю. М. Лотман в своей работе «О двух моделях коммуникации в системе культуры» 1973 г. на основе функциональной модели Р. Якобсона [Якобсон 1975: 198] разрабатывает модель коммуникации, адаптированную к современным культурным реалиям, а именно учитывающую возможность осуществлять коммуникацию по двум каналам передачи сообщения, в рамках двух «систем», — «Я — ОН» и «Я — Я» [Лотман 1992: 76]. Для обозначения коммуникации в системе «Я — Я» Ю. М. Лотман в указанном труде ввел термин «автокоммуникация», который он определяет как особый тип коммуникации, отличающийся от привычного главным образом направлением передачи сообщения — от адресанта к самому себе, с отождествлением адресанта и адресата. Автокоммуникация характеризуется особым способом смыслообразования: при сохранении константности содержания сообщение преобразуется путем его перекодировки «добавочным кодом», под которым понимается принятый и узнаваемый в данной культуре код, лишенный собственной семантики и носящий чисто организующий характер (прежде всего это метрико-ритмическая организация текста) [Лотман 1992: 77].

Ю. М. Лотман подчеркивает значительную роль автокоммуникации в структурировании и функционировании культуры: автокоммуникация может рассматриваться как культурная универсалия, поскольку большинство культур мира выстраиваются «по принципу маятникообразного качания» между системами «Я — Я» и «Я — ОН» [Лотман 1992: 87]. Основной мотив автокоммуникации в культуре в целом совпадает с мотивом художника при создании автопортрета — обогатить и воспроизвести себя через самопознание, и в глобальных масштабах вся «культура человечества — колоссальный пример автокоммуникации» [Там же].

Автокоммуникация как продукт культуры и механизм ее самообогащения и самовоспроизведения выполняет ряд частных культурных функций, например, мнемоническую, если присутствует разрыв во времени между отправкой и получением сообщения, функцию повышения значимости сообщения, конспиративную функцию, если используется тайнопись, и др. [Лотман 1992: 87]. Основная же функция автокоммуникации — «качественная трансформация» «Я», перестройка его личности [Лотман 2010: 164].

Специфику языка автокоммуникации составляет двухкодовость. Язык автокоммуникации — это, с одной стороны, интроспективно обращенный естественный язык, то, что обозначается понятием «внутренняя речь» (концепция Л. С. Выготского [Выготский 1934]) в психологии; с другой стороны — вербальный или невербальный «добавочный код», служащий стимулом к автокоммуникации. В психологии внутренняя речь достигается, как правило, путем введения человека в трансово-медитативное состояние при помощи объектов-триггеров с предсказуемым паттерном (визуальным, аудиальным, визуально-аудиальным) — сада камней, «спирали гипноза», «поющей чаши» и др. Основным способом создания эффекта предсказуемости в коммуникации, функционально эквивалентным вышеперечисленным триггерам, выступает ритмообразование, реализуемое в языке, прежде всего посредством фонетических, лексических или синтаксических повторов.

Саморефлексивный характер автокоммуникации ставит вопрос о ее сходстве с метакоммуникацией. «Метакоммуникация», или «коммуникация о коммуникации» —

термин, введенный Г. Бейтсоном в 1951 г. для обозначения коммуникации особого порядка, происходящей из взаимопонимания коммуникантами друг друга и включающей в себя «все реплики и высказывания о а) кодификации и б) отношениях между коммуникантами (здесь и далее перевод наш. — *Е. М.*)» [Bateson 1951: 209]. Метакоммуникативная саморефлексия, в отличие от автокоммуникативной и коммуникативной, направлена не внутрь и не вовне, а в сторону, на саму коммуникацию. Функционируя как «взгляд со стороны», метакоммуникация может быть приемом автокоммуникации, например, при введении метатекстового комментария («записок на полях») пояснительного, структурирующего или бессознательного характера. Еще одним критерием разграничения между автокоммуникацией и метакоммуникацией является роль языка: в то время как для автокоммуникации, как и для коммуникации, язык выступает инструментом кодирования и передачи сообщения — «сообщение *на* языке», для метакоммуникации язык составляет объект сообщения — «сообщение *о* языке». Метакоммуникация, соответственно, в отличие от автокоммуникации и коммуникации, нуждается в специальном языке описания языка как объекта — метаязыке, состоящем в основном из общеупотребительных и специальных научных терминов. Так, политический анализ представляет собой политическую автокоммуникацию с использованием политологического метаязыка. В рамках теории коммуникации, семиотики, лингвистики и литературоведения возможна также метакоммуникация культуры по поводу автокоммуникации. В этом случае метаязыком выступает терминология соответствующей науки.

Метакоммуникация и автокоммуникация по умолчанию субъективны в том смысле, что несут отпечаток опыта языковой личности адресанта, при этом адресанты метакоммуникации и автокоммуникации могут не совпадать, что не может не накладывать свой отпечаток на их продукт. Ю. М. Лотман отмечает, что создаваемый культурой в процессе автокоммуникации автопортрет может не совпадать с его метакоммуникативным описанием, например, грамматика может быть неприменима к текстам культуры в результате типологической ошибки [Лотман 1992: 88].

Таким образом, автокоммуникация и метакоммуникация могут быть либо отдельными типами коммуникации, либо входить в нее соответственно как стратегия и прием реализации стратегии.

2. ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММЕМОРАЦИИ КАК АВТОКОММУНИКАЦИИ

С учетом того, что политический коммеморативный дискурс имеет явно выраженную институциональную природу, в основу описания автокоммуникации в выбранном материале исследования мы кладем системообразующие признаки институционального дискурса, предложенные В. И. Карасиком: «1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе, ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы» [Карасик 2002: 333]. Рассмотрим три из них — участников, хронотоп и цели — как наиболее релевантные для цели нашего исследования в силу их соответствия компонентам «адресант/адресат», «контекст» и «сообщение» в автокоммуникативной модели.

Участники. В обобщенном виде в политическом дискурсе адресантом сообщения фактически выступает политик, позиционирующий себя как автора сообщения, а адресатом — народ. Анализ материала исследования показал, что главным изменением участников под влиянием автокоммуникации становится усложнение ролевого портрета адресанта: происходит «удвоение» автора в коммуникации — реальный автор, «Я»-индивид (политик — представитель власти, носитель актуальной повестки), и его коллективный образ, «МЫ»-коллектив (политик — представитель народа, носитель коллективной памяти). Авторство распределяется между автором и конструируемым им образом по типу повествователя и лирического героя в художественном дискурсе.

Хронотоп. Хронотоп (совокупность пространственных и временных координат) коммеморативного дискурса характеризуется, во-первых, наличием разрыва во времени между пластами настоящего/будущего и прошлого; во-вторых, повышенной значимостью плана прошедшего времени, проявляющейся в обязательном использовании ретроспективных отсылок; в-третьих, доминантной ролью плана настоящего времени, который является «„отправной точкой“ для припоминания прошлого и прогнозирования будущего» [Мурашова 2022: 62]. Преодоление временного разрыва и достижение изоморфизма коллективной идентичности во времени достигается при помощи автокоммуникативного обращения к прошлому. Основной функцией автокоммуникации в политической коммеморации, таким образом, служит мнемоническая.

Цели. Цель автокоммуникации в политической коммеморации в широком смысле — обогащение и сохранение коллективной памяти социальной группы через ее диалог с собой в прошлом; в узком смысле — обслуживание целей коммеморации: ревитализация, продвижение и сохранение наследия прошлого, консолидация социальной группы на основании коллективной памяти, воспитание патриотической личности [Мурашова 2024: 67].

Более подробное описание дискурсивных характеристик политической коммеморации не входит в задачи настоящей работы и может послужить направлением дальнейшего исследования.

3. СТРАТЕГИИ АВТОКОММУНИКАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММЕМОРАЦИИ

Коммуникативная (речевая) стратегия понимается нами как «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [Иссерс 2008: 109]. Реализация стратегии происходит при помощи одного или нескольких частных коммуникативных действий, называемых тактиками.

Стратагемно-тактическая организация политической коммуникации, на наш взгляд, может быть описана при помощи теории социальных систем Н. Лумана, которая представляет собой попытку объяснить функционирование общества как системы через логику различений Дж. Спенсера-Брауна и концепцию аутопойезиса У. Матураны и Ф. Варелы. Н. Луман предлагает переосмыслить применяемое к обществу понятие «система», определяя ее не как совокупность определенных объектов, а как самодостаточную, закрытую «форму различения» между двумя реальностями — коммуникативно конструируемой внутрисистемной и объективно существующей внешней [Луман 2024: 30]. Различение системой самой себя и окружающего мира — результат ее самопознания, коммуникативно выраженного через самореференцию и инореференцию, т. е. отсылки на себя и на внешний мир посредством специального кода [Луман 2005: 21]. В концепции Н. Лумана общество представляет собой «оперативно закрытую аутопоейтическую систему» [Луман 2024: 32], т. е. обособленную от внешнего мира коммуникативную реальность с только ей присущими коммуникативными операциями.

Аутопойезис — изначально биологический термин, обозначающий способ организации живых существ как автономных систем, самовоспроизводящихся посредством рекурсивного повторения своих компонентов и взаимодействий между ними [Varela et al. 1974: 188]. Иллюстрацией аутопойетической организации общества является существование внутри него разных коммуникативных систем, образованных путем рекурсивной имитации его устройства.

Ярким примером коммуникативной системы общества выступает медиареальность. Ее конструирование возможно благодаря тому, что СМИ определяют свою границу как системы, проводя дифференциацию между собой как наблюдателем и наблюдаемым внешним миром путем применения кода «информация/неинформация» [Луман 2005: 31–32].

Саморефлексивный характер организации общества составляет точку пересечения концепций Ю. М. Лотмана и Н. Лумана. Мы полагаем, что коммеморация, как и СМИ, является аутопойетической коммуникативной системой, где место кода «информация/неинформация» занимает код «память/непамять».

Анализ материала исследования показал, что аутопойезис в политической коммеморации осуществляется при помощи автокоммуникации, реализуемой двумя разнонаправленными стратегиями, соответствующими операциям «самореференция» и «инореференция» в концепции Н. Лумана, — **автореферентной** и **инореферентной.** Стратегии направлены прежде всего на выстраивание круга «своих» и «чужих» в рамках традиционной для политического дискурса семантической оппозиции «свой — чужой», которая в дискурсе политической коммеморации дополнительно выполняет функцию кодирования информации как «память/непамять» («свои» помнят, «чужие» не помнят или попирают память). В качестве «добавочного кода» сообщения обычно выступают лексические и синтаксические средства ритмизации, направленные на введение адресата в «коммеморативный транс» как фоновое состояние для автокоммуникации: лексические повторы, синтаксические параллелизмы и единицы со свойством повторяемости (клише и паремии — сентенциозные клишированные высказывания, такие как пословицы и поговорки).

В результате проведенного анализа эмпирического материала было установлено, что автореферентная стратегия в политической коммеморации представлена следующими тактиками: солидаризация, персонализация, локализация. Инореферентная стратегия реализуется при помощи таких тактик, как дистанцирование, деперсонализация, делокализация. Тактики двух стратегий зеркально противопоставлены друг дру-

гу, что подчеркивает оппозицию «своих» и «чужих». Далее тактики последовательно рассмотрены в соположении друг с другом.

Солидаризация vs. дистанцирование

Тактика солидаризации предполагает демонстрацию адресантом своей принадлежности к той же историко-культурной группе, что и адресат. Солидаризация реализует различные коммуникативные функции, главным образом установления и поддержания контакта. В политической коммеморации солидаризация необходима прежде всего для объективации и развития концепта «коллективная память».

Основными средствами солидаризации в политической коммеморации выступают лексические: инклюзивные местоимения (включающие адресанта и адресата [Ахманова 2004: 220] — местоимения *we*, *they, those* в функции коллективного субъекта для обозначения народа в настоящем и прошлом), особенно в сочетании со «словами памяти» (*remember*, *forget* и др.), языковые клише с семантикой общности (например, *on behalf of*, *We stand with you*), оценочная лексика с положительной коннотацией, а также лексика с культурно-специфическим характером (лингвокультуремы, мифологемы и идеологемы). Солидаризация также проявляется в наделении коллективного лица статусом главного актора на грамматическом уровне языка: оно выступает субъектом определенно-личных предложений, а в функции предиката используется глагол в действительном залоге.

Дистанцирование, наоборот, призвано подчеркнуть отсутствие общности между адресантом и «чужими» и часто используется в рамках так называемой стратегии «на понижение» [Михалева 2008: 45]. В политической коммеморации наблюдается тенденция к реализации дистанцирования путем дефокусации «чужих», главным образом за счет перифраза имен собственных, где имя конкретного человека или группы заменяется лексическим ярлыком, обозначающим ассоциируемую с этим человеком или группой социальную проблему. Под ярлыком здесь и далее мы понимаем единицу-идеологему с ослабленным денотативным компонентом и гипертрофированно негативной коннотацией, представляющую собой линейно свернутый «черный» миф[1] [Сковородников 2022: 10], например, *зло*, *террористы*, *фанатики*. Использование ярлыков представляет собой попытку одновременно генерализировать, дидактизировать и вербализовать негативный опыт, представляя его в конденсированном виде как «урок прошлого». Перифраз «чужих» сопровождается негативно окрашенной лексикой и синтаксическим «затенением» их как субъекта путем использования неопределенно-личных и безличных предложений и страдательных конструкций.

В следующей публикации бывшего вице-президента США К. Харрис от 27.01.2021, посвященной памяти жертв Холокоста, при помощи солидаризации в круг «своих» включаются американцы и евреи. Солидаризация вербализуется инклюзивными местоимениями *those*, *we*, *our*, формами глаголов в действительном залоге (*honoring*, *survived*, *reaffirm, combatting*) и лингвокультуремой *the Shoah*, которая является еврейским термином для Холокоста. В круг «чужих», очевидно, включаются приверженцы нацизма. Дистанцирование реализуется неопределенно-личным предложением, глаголом в страдательном залоге (*were taken*), глаголом с пассивной семантикой (*exists*) и словами-ярлыками (*anti-Semitism, bigotry, evil*).

In ***honoring those*** *whose lives* ***were taken*** *as well as* ***those*** *who* ***survived the Shoah****,* ***we reaffirm our*** *commitment to* ***combatting anti-Semitism, bigotry****, and* ***evil*** *everywhere it* ***exists****.*

Персонализация vs. деперсонализация

Персонализация и деперсонализация тесно связаны с солидаризацией и дистанцированием соответственно. Термин «персонализация» может быть синонимичен стилистическому термину «персонификация», или «олицетворение», обозначающему приписывание неодушевленным предметам и абстрактным понятиям свойств и признаков одушевленных предметов [Ахманова 2004: 286]. В настоящей работе под персонализацией мы понимаем тактику олицетворения абстрактных понятий в конкретном индивиде. Персонализация в политической коммеморации выполняет три функции: во-первых, установления контакта и интимизации; во-вторых, формирования положительного имиджа коммеморирующего политика и коммеморируемого лица (как патриота, лидера, профессионала и т. д.); в-третьих, обеспечения понимания кода коммеморации, в основном состоящего из абстрактных понятий («память», «прошлое», «история»). Понимание коммеморативного сообщения требует прежде всего преодоления психологического

[1] Миф понимается как инструмент идеологии — идеологически маркированное повествование, которое в данном обществе признается как верное [Флад 2004: 43].

барьера в виде двух когнитивных дихотомий, образующих структуру концепта «коллективная память»: «коллективное — индивидуальное» и «прошлое — настоящее/будущее». Основным механизмом преодоления указанных дихотомий выступает актуализация «личностного уровня» политика, создающая связь между институциональной и персональной сферами [Михалева 2008: 9]. Персонализация, таким образом, позволяет установить вектор коммуникации от института с его абстрактными понятиями к личности с ее конкретными нуждами.

Наиболее частотными приемами персонализации в политической коммеморации выступают конкретизация и выдвижение субъекта, реализуемые рядом лексических, грамматических и стилистических средств: конкретных номинаций (имен собственных), средств дейксиса, числительных, определенно-личных предложений, личных глагольных форм в действительном залоге, повествования от первого лица.

Деперсонализация, наоборот, предполагает обезличивание сообщения с целью институционализации «чужих» и исключения их из личной сферы адресанта. Приемами деперсонализации являются абстрактизация и дефокусация субъекта, реализуемые такими средствами, как абстрактные номинации, лексика с широкой семантикой, неопределенно-личные и безличные предложения, глагольные формы в страдательном залоге, неличные формы глагола, перифраз, в том числе индексально-метонимический (название события вместо имени его инициатора). Тактика (де)персонализации, таким образом, в полной мере отражает характерную для политического дискурса ментальную установку «„свой“ мир конкретен, „чужой“ мир абстрактен» [Михалева 2008: 91].

В публикации лидера Лейбористской партии Великобритании (ныне также премьер-министра Великобритании) К. Стармера от 22.03.2023, коммеморирующей жертв теракта на Вестминстерском мосту 2017 г., персонализация достигается путем представления трагедии через нарратив о конкретной жертве — констебле К. Палмере, героически погибшем при попытке остановить нападавшего. К средствам персонализации относятся дейктические слова (*Today*, *we/our*, *those*, *his*, *others, their*), полное имя собственное со званием и наградой (*PC Keith Palmer GM*), глагольные формы в действительном залоге *remember*, *was*, *sacrificed*, *to protect*, *are*. Нападающий же полностью деперсонализирован, поскольку его личность коммуникативно нерелевантна: он метафорически индексирован именем собственным, обозначающим место происшествия (*Westminster Bridge*), названием преступления (*terrorism*) и страдательными формами глагола (*lost*, *killed*).

Today we remember *the innocent lives* ***lost*** *six years ago on* ***Westminster Bridge.***

Among ***those*** *tragically* ***killed was PC Keith Palmer GM****, who* ***sacrificed his*** *own life* ***to protect others*** *against* ***terrorism****.*

Our *thoughts and prayers* ***are*** *with* ***their*** *loved ones.*

Локализация vs. делокализация

В основе тактики (де)локализации, как и (де)персонализации, лежит установка на конкретность мира «своих» и абстрактность мира «чужих». Локализация осуществляет помещение адресата в конкретную систему пространственно-временных координат с тем, чтобы, во-первых, обеспечить его темпорально-локальную ориентацию в условиях преобладания в коммуникации абстрактной тематики (память, история и др.), во-вторых, осуществить эмоциональное «якорение», устанавливая ассоциативные связи между абстрактными сущностями и вещественными знаками. Средства локализации могут быть лексическими и грамматическими: дейктические единицы, лексика с локативной и темпоральной семантикой, в особенности прецедентные онимы с символическим смыслом — топонимы, хрононимы, геортонимы, антропонимы и др., а также числительные; нулевой, определенный или неопределенный артикль, обстоятельства места и времени.

Делокализация, наоборот, подразумевает отсутствие привязки к конкретному времени и пространству, в связи с чем вербализуется абстрактной и широкозначной лексикой и паремиями, придающими высказыванию вневременной характер.

В политическом коммеморативном дискурсе большое внимание уделяется построению хронотопа с целью создания необходимого эмоционального фона для восприятия, например, в публикации британского парламентария И. Купер (ныне — министра внутренних дел Великобритании) от 11.11. 2018, посвященной Дню перемирия:

After the service the clouds cleared. But as we marked #ArmisticeDay100 here in #Castleford on 11th hour of 11th day of 11th month, hundreds of people stood quietly in pouring rain to remember & to show our respect for those who endured things we can barely imagine #LestWeForget

Пространственная локализация реализуется в сообщении дейктическими словами (*we*, *our*, *here*), лексикой, обозначающей погодные условия (*the clouds cleared*, *pouring*

rain), обстоятельством места (*in pouring rain*, *here in #Castleford*), топонимом (*#Castleford*), числительным (*hundreds*). Отметим, что локация — г. Каслфорд — обладает символизмом и солидаризирующей силой в свете того, что он входит в избирательный округ, который представляет И. Купер.

Темпоральная локализация вербализуется с помощью обстоятельств времени (*After the service, as we marked #ArmisticeDay 100, on 11th hour of 11th day of 11th month*), определенного и нулевого артикля (*the service*, *things*), геортонима (*#ArmisticeDay100*). Цифра «11» в дате коммеморации имеет явное символическое значение, так как отсылает ко дню подписания Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. Глаголы в прошедшем и настоящем времени реализуют темпоральную модель «от прошлого к настоящему» (*cleared*, *marked*, *stood*, *endured*, *can barely imagine*).

Делокализация в сообщении выражается в том, что «чужие» имплицитно представлены при помощи широкозначного слова с определением *things we can barely imagine*.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что коллективная память формируется и поддерживается в рамках политической коммеморации как аутопойетической системы за счет автореферентной и инореферентной стратегий, реализующих размежевание «своих» и «чужих» в рамках кода «память/непамять».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате изучения особенностей автокоммуникации в политической коммеморации мы пришли к следующим выводам. **Во-первых**, коммуникация, автокоммуникация и метакоммуникация представляют собой смежные понятия с разной направленностью — соответственно на другого, на себя и в сторону, на коммуникацию. И автокоммуникация, и метакоммуникация являются частью коммуникации, выступая либо ее типами, либо соответственно ее стратегией и приемом реализации стратегии. **Во-вторых**, автокоммуникация является естественной формой бытования политической коммеморации. Главными признаками автокоммуникативности политической коммеморации является, с одной стороны, ее направленность «внутрь себя», с другой стороны, наличие у нее особого кода «память/непамять» для распознавания информации как внутрисистемной или внесистемной и «добавочного кода» для переосмысления сообщения — лексических и синтаксических повторов, направленных на введение в «коммеморативный транс». **В-третьих**, автокоммуникация находит свое отражение в таких компонентах коммуникативной модели, как участники, хронотоп и цели. Установлено, что политическая коммеморация полифонична за счет «удвоения» автора: выделяется реальный автор (политик как индивид) и его коллективный образ (политик как представитель народа). В хронотопе политической коммеморации автокоммуникация выполняет мнемоническую функцию — осуществляет преодоление разрыва между прошлым и настоящим/будущим и поддерживает изоморфизм коллективной идентичности при перемещении во времени. Цель автокоммуникации в политической коммеморации можно определить как обогащение и сохранение коллективной памяти через диалог социальной группы с самой собой в прошлом. **В-четвертых**, политическая коммеморация является аутопойетической (самовоспроизводящейся) системой, существование которой поддерживается автокоммуникацией. Автокоммуникация представлена двумя противоположными стратегиями ауйтопойезиса — автореферентной и инореферентной, которые направлены на выстраивание соответственно круга «своих» и «чужих». Две стратегии представлены зеркально отображающими друг друга тактиками: солидаризация/дистанцирование, (де)персонализация и (де)локализация. Объективация «своих» и «чужих» является видимым проявлением кода «память/непамять» политической коммеморации как аутопойетической системы и сама по себе выступает необходимым условием поддержания коммеморативного аутопойезиса, а именно формирования и сохранения коллективной памяти социальной группы.

СЛОВАРИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — 2-е изд., стереотип. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 576 с.

2. Сковородников, А. П. Словарь современных политических ярлыков / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. — 176 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь: психологические исследования / Л. С. Выготский ; под ред. и со вступ. ст. В. Колбановского. — Москва, Ленинград : Соцэкгиз, 1934. — 324 с.

2. Евграфова, Ю. А. Автокоммуникация в АСМР-дискурсе: средства достижения интроспекции / Ю. А. Евграфова // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 5 (61). — С. 303–308. — EDN: EHKTKV.

3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 5-е. — Москва : ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN: 978-5-382-00698-7. — EDN: UFGTFJ.

4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN: 5-88234-552-2. — EDN: UGQAMP.

5. Лотман, Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю. М. Лотман // Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2010. — С. 163–177. — ISBN: 978-5-210-01562-4. — EDN: QWYFLB.

6. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. — Таллинн : Александра, 1992. — Т. 1. — С. 76–89.

7. Луман, Н. Понятие общества / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. — 2024. — № 13/14. — С. 27–45.

8. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — Москва : Праксис, 2005. — 256 с. — EDN: PWYQPR.

9. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. — 256 с. — ISBN: 978S397002271. — EDN: GMQKUV.

10. Мурашова, Е. П. Мнемонический потенциал гибридного дискурса (на материале англоязычных политических медиатекстов) / Е. П. Мурашова // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 59–69. — EDN: SHEXJH.

11. Мурашова, Е. П. Основные признаки коммеморативного дискурса (на материале аутентичных англоязычных текстов) / Е. П. Мурашова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2024. — № 6 (887). — С. 65–71. — EDN: LSMYWM.

12. Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад ; пер. с англ. А. Георгиева. — Москва : Прогресс-Традиция, 2004. — 264 с.

13. Чеснокова, И. А. «Письмо в будущее» как автокоммуникативный гибридный жанр виртуального дискурса / И. А. Чеснокова, Ю. В. Кобенко // Мир лингвистики и коммуникации. — 2015. — № 41. — С. 14–22. — EDN: UNTMZF.

14. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 176 с. — ISBN: 978-5-7186-0504-4. — EDN: QZIQHH.

15. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. — Москва : Прогресс, 1975. — С. 193–230.

16. Bateson, G. Information and Codification: A Philosophical Approach / G. Bateson // Communication: The Social Matrix of Psychiatry / J. Ruesch, G. Bateson (Eds.). — New York : W. W. Norton & Company, Inc., 1951. — P. 168–211.

17. Halbwachs, M. The Collective Memory / M. Halbwachs ; transl. by F. J. Ditter, Jr. & V. Y. Ditter. — 1st ed. — New York : Harper Colophon Books, 1980. — 186 p.

18. Varela, F. G. Autopoiesis: The Organization of Living Systems, Its Characterization and a Model / F. G. Varela, H. R. Maturana, R. Uribe // BioSystems. — 1974. — № 5. — P. 187–196.

19. Ventsel, A. Political Analysis as Auto-Communication of Culture / A. Ventsel // Chinese Semiotic Studies. — 2012. — № 7 (1). — P. 260–270.

DICTIONARIES

1. Akhmanova, O. S. (2004). Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of Linguistic Terms (2nd ed.). Moscow: Editorial URSS, 576 p.

2. Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2022). Slovar' sovremennyh politicheskih jarlykov = Dictionary of Modern Political Labels. Kransoyarsk: Siberian Federal University, 176 p.

REFERENCES

1. Vygotsky, L. S. (1934). Myshlenie i rech': psihologicheskie issledovanija = Thinking and speaking: psychological studies (Ed. and introd. art. V. Kolbanovsky). Moscow, Leningrad: Publ. of Socio-Economic Literature, 324 p.

2. Evgrafova, Yu. A. (2024). Avtokommunikacija v ASMR-diskurse: sredstva dostizhenija introspekcii = Autocommunication in ASMR-discourse: means of achieving introspection. *Cognitive studies of language*, *5*(61), 303–308. EDN: EHKTKV.

3. Issers, O. S. (2008). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech (5th ed.). Moscow: LKI, 288 p. ISBN: 978-5-382-00698-7. EDN: UFGTFJ.

4. Karasik, V. I. (2002). Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. ISBN: 5-88234-552-2. EDN: UGQAMP.

5. Lotman, Yu. M. (2010). Avtokommunikacija: «Ja» i «Drugoj» kak adresaty (O dvuh modeljah kommunikacii v sisteme kul'tury) = Autocommunication: 'I' and 'Other' as addressees (On two models of communication in the system of culture). *Yu. M. Lotman, Semiosphere*, 163–177. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. ISBN: 978-5-210-01562-4. EDN: QWYFLB.

6. Lotman, Yu. M. (1992). O dvuh modeljah kommunikacii v sisteme kul'tury = On two models of communication in the system of culture. *Yu. M. Lotman, Selected articles (Vol. 1)*, 76–89). Tallinn: Aleksandra.

7. Luhmann, N. (2024). Ponjatie obshhestva = The concept of society. *Problems of theoretical sociology*, *13/14*, 27–45.

8. Luhmann, N. (2005). Real'nost' massmedia = The reality of the mass media. Moscow: Praksis, 256 p. EDN: PWYQPR.

9. Mikhalyova, O. L. (2009). Politicheskij diskurs: Specifika manipuljativnogo vozdejstvija = Political discourse: the specificity of manipulative influence. Moscow: Publ. house 'LIBROCOM', 256 p. ISBN: 978S397002271. EDN: GMQKUV.

10. Murashova, E. P. (2022). Mnemonicheskij potencial gibridnogo diskursa (na materiale anglojazychnyh politicheskih mediatekstov) = The mnemonic potential of hybrid discourse: an analysis of English-language political media texts. *Political Linguistics*, *4*(94), 59–69. EDN: SHEXJH.

11. Murashova, E. P. (2024). Osnovnye priznaki kommemorativnogo diskursa (na materiale autentichnyh anglojazychnyh tekstov) = The main features of the commemorative discourse (an analysis of authentic English-language texts). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, *6*(887), 65–71. EDN: LSMYWM.

12. Flad, Ch. (2004). Politicheskij mif. Teoreticheskoe issledovanie = Political myth. Theoretical study. Moscow: Progress-Traditsiya, 264 p.

13. Chesnokova, I. A., Kobenko, Yu. V. (2015). "Pis'mo v budushchee" kak avtokommunikativnyi gibridnyi zhanr virtual'nogo diskursa = "Letter to the future" as a hybrid auto-communicative genre of virtual discourse. *The world of linguistics and communication*, *41*, 14–22. EDN: UNTMZF.

14. Chudinov, A. P. (2013). Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii = Essays on modern political metaphorology. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 176 p. ISBN: 978-5-7186-0504-4. EDN: QZIQHH.

15. Jacobson, R. (1975). Lingvistika i poetika = Linguistics and poetics. *Structuralism: Pros and Cons: A Collection of Articles* (Eds. E. Ya. Basin, M. Ya. Polyakov), 193–230. Moscow: Progress.

16. Bateson, G. (1951). Information and Codification: A Philosophical Approach. *Communication: The social matrix of psychiatry* (Eds. J. Ruesch, G. Bateson), 168–211). N. Y.: W. W. Norton & Company, Inc.

17. Halbwachs, M. (1980). The Collective Memory (transl. by F. J. Ditter, Jr. & V. Y. Ditter, 1st ed.). New York: Harper Colophon Books, 186 p.

18. Varela, F. G., Maturana, H. R., Uribe, R. (1974). Autopoiesis: The Organization of Living Systems, Its Characterization and a Model. *BioSystems*, *5*, 187–196.

19. Ventsel, A. (2012). Political Analysis as Auto-Communication of Culture. *Chinese Semiotic Studies*, *7*(1), 260–270.